

ДОРОТИ Л.

СЭЙЕРС



УБИЙСТВО
НА ЗАВТРАК



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
С97

Серия «Золотой век английского детектива»

Dorothy L. Sayers
THE COMPLETE STORIES

Перевод с английского *А. Анваера* и *И. Дорониной*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения David Higham Associates Limited
и The Van Lear Agency LLC

Сэйерс, Дороти Ли.
С97 Убийство на завтрак : [сборник] / Дороти Ли Сэйерс ; [перевод с английского А. Анваера, И. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 608 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-172753-6

В эту книгу вошла вся малая проза Дороти Ли Сэйерс, за исключением рассказов из авторского сборника «Лорд Питер осматривает тело».

Помимо уже известного нам лорда Питера Уимзи, в этих рассказах появляется еще один колоритный сыщик-любитель — предприимчивый торговец вином и крепкими напитками Монтегю Этг. Он не стремится к расследованиям преступлений, однако постоянно попадает в эпицентр событий: то наткнется на труп постоянного клиента, то окажется в баре, где все посетители соответствуют приметам разыскиваемого убийцы, то сядет в поезд, из которого бесследно исчезает подозреваемый в крупной растрате финансист.

Вас ждет более тридцати увлекательных и полных сюрпризов историй о крайне необычных преступлениях.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© The John Anthony Fleming Will Trust, 2002
© Перевод. А. Анваер, 2025
© Перевод. И. Доронина, 2025
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026
ISBN 978-5-17-172753-6



ИСТОРИИ ЛОРДА
ПИТЕРА УИМЗИ



ОТРАЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ

Маленький человек с задорным чубом был так поглощен книгой, что Уимзи не решился востребовать свою собственность — пододвинув другое кресло и поставив стакан рядом на стол, он постарался занять себя данлоповским путеводителем для автомобилистов, который, как обычно, был любезно выложен на одном из столов в комнате отдыха.

Человечек продолжал читать, упершись локтями в ручки кресла и взволнованно склонив голову над текстом. Он тяжело дышал и, когда надо было перевернуть страницу, клал толстый том на колени и переворачивал ее обеими руками. «Завзятым читателем его не назовешь», — подумал Уимзи.

Дойдя до конца рассказа, мужчина вернулся к какому-то фрагменту и очень внимательно перечитал его. Потом положил все еще раскрытую книгу на стол и в этот миг встретился взглядом с Уимзи.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он на кокни¹ довольно высоким голосом, — это ваша книга?

— Не беспокойтесь, — великодушно ответил Уимзи. — Я знаю ее наизусть и прихватил с собой только потому, что ее полезно иметь под рукой, когда застреваете на ночь в таком месте, как это. В ней всегда можно найти что-нибудь занятное.

¹ Кокни — диалект английского языка, на котором в основном говорят в восточных районах Лондона и его окрестностей, особенно лондонцы из рабочего и низшего среднего класса Ист-Энда. — *Здесь и далее: примеч. пер.*

— А этот малый, Уэллс, — продолжил его рыжий собеседник, — он, видать, писатель с головой, да? Это ж надо, как он делает все таким настоящим, хотя и есть у него такое, во что ну никак нельзя поверить. Возьмите хоть вот этот рассказ; думаете ли вы, сэр, что такое может и впрямь случиться с человеком — ну, с вами, к примеру... или со мной?

Уимзи вытянул шею, чтобы взглянуть на страницу.

— «История Платтнера», — сказал он. — Это рассказ о школьном учителе, которого взрывом перенесло в четвертое измерение, а когда он вернулся, у него правая и левая стороны поменялись местами. Что ж, нет, я не думаю, что такое может действительно случиться в реальной жизни, хотя, конечно, очень заманчиво поиграть с идеей четвертого измерения.

— Э-э, — произнес мужчина, запнувшись и смущенно взглянув на Уимзи. — Я не очень понял про четвертое измерение. Я и не знал, что есть такое место, но у этого парня все получается так ясно, как будто для ученых тут и сомневаться не в чем. А что касается этой правой-левой перемены, так я точно знаю, что это факт. Вы не поверите, но я на своей шкуре испытал.

Уимзи достал портсигар. Маленький человек инстинктивно потянулся к нему левой рукой, потом как будто спохватился и переменял на правую.

— Вот видите. Когда я не слежу за собой, я левша. Как и этот Платтнер. Я пытался переучиться, но без успеха. Да мне было бы и ни к чему, это ж ерунда, на свете полно левшей, и они об этом даже не думают. Да. Только вот я ужасно боюсь: вдруг я не буду знать, что и как делать в этом четвертом измерении или как там его. — Он глубоко вздохнул. — Меня это страшно пугает: кто я есть? Прямо до смерти пугает.

— Почему бы вам не рассказать мне свою историю? — предложил Уимзи.

— Не люблю я рассказывать об этом, потому что люди могут подумать, будто у меня не все дома. Но это жутко действует на нервы. Каждое утро, проснувшись, я думаю: «Чем я там занимался ночью? Какое сегодня число — правильное ли оно вообще?» Успокаиваюсь только тогда, когда увижу утреннюю газету, хотя не всегда этого хватает...

Ладно, я расскажу вам, если вы не примете это за доuku или вольность. Все это началось... — Он запнулся и нервно обвел глазами комнату. — Вроде никого. Если можно, сэр, не положите ли вы руку вот сюда на минуту?

Он расстегнул довольно потрепанный жилет и сам прижал ладонь к тому месту, где, согласно анатомической науке, расположено сердце.

— Охотно, — ответил Уимзи.

— Чувствуете что-нибудь?

— Я не совсем понимаю. Что я должен чувствовать? Выпуклость или еще что-то? Если вы имеете в виду пульс, то удобнее прощупывать его на запястье.

— О, *тут* он тоже отлично ощущается, — сказал мужчина. — Пощупайте теперь с другой стороны груди, сэр.

Уимзи послушно перенес руку на правую сторону.

— Кажется, здесь я чувствую легкое биение, — сказал он после паузы.

— Вот! Вы же не ожидали, что почувствуете его с этой, а не с другой стороны, правда? В этом-то и дело. У меня сердце находится справа, я хотел, чтобы вы сами в этом убедились.

— Это результат какого-то заболевания? — сочувственно поинтересовался Уимзи.

— Ну, можно и так сказать. Но это еще не все. Печень моя тоже перекочевала не на ту сторону, как и все остальные органы. Я ходил к врачу, и он сказал, что во мне все наоборот. Аппендикс у меня, например, слева — был, пока его не вырезали. Будь мы в другом месте, я бы показал вам шрам. Хирург страшно удивился, когда ему про меня

поведали, сказал потом, что ему будет очень неудобно оперировать, придется, мол, превратиться, так сказать, в левшу.

— Да, необычный случай, — согласился Уимзи, — но уверен, что иногда такое случается.

— Только не так, как это случилось со мной. Со мной это произошло во время воздушного налета.

— Воздушного налета? — ошеломленно переспросил Уимзи.

— Да. И если бы это было все, что со мной произошло, я бы смирился и был спокоен. Мне тогда стукнуло восемнадцать, и я только-только был призван. До того я работал в отделе упаковки фирмы Крайтонов — вы наверняка слышали про нее: «Крайтоны — за рекламу, достойную восхищения», — у них офис в Холборне. А моя мать жила в Брикстоне, и я приехал к ней на побывку из учебного лагеря. Повидавшись с несколькими старыми друзьями, я решил закончить вечер походом в кинотеатр «Стойло». Я отправился туда после ужина и, чтоб успеть на последний сеанс, срезал дорогу, пройдя от Лестер-сквер через рынок Ковент-Гарден. И вдруг — бабах! Бомба, как мне показалось, упала мне прямо под ноги, и все погрузилось в черноту.

— Наверное, это был тот самый налет, который смел с лица земли Олдхэм?

— Да, это было двадцать восьмое января тысяча девятьсот восемнадцатого года. Так вот, как уже сказал, я полностью отключился. Первое, что помню после этого: я иду где-то среди бела дня, вокруг меня — зеленая трава, деревья и какой-то водоем сбоку. Я понятия не имею, как попал туда и что это за место, как будто на Луне оказался.

— Боже мой! — сказал Уимзи. — И вы думаете, что это было четвертое измерение?

— Нет, это был Гайд-парк, я сообразил это, когда у меня чуть-чуть мозги прочистились. Я шел вдоль Серпантин-

на¹, на берегу стояла скамейка, на которой сидели несколько женщин, неподалеку играли дети.

— Взрыв нанес вам какие-нибудь травмы?

— Ничего такого, что бы я увидел или почувствовал, если не считать больших синяков на бедре и на плече — как будто меня к чему-то прижало. Я был слегка ошарашен. Воздушный налет выпал у меня из памяти, и я понятия не имел, как там очутился и почему я не на работе в «Крайтоне». Посмотрел на часы, но они стояли. Мне хотелось есть, я нащупал в кармане какие-то деньги, их было гораздо меньше, чем я думал. Но мне необходимо было что-нибудь пожевать, поэтому я вышел из Гайд-парка через Мраморную арку² и пошел в «Лайонз»³. Там я заказал два яйца-пашот на тостах и чайник чаю и в ожидании еды взял газету, которую кто-то оставил на стуле. Это меня доконало. Последнее, что я помнил, — это как я шел в кино двадцать восьмого января, но на газете стояла дата тридцатое января! Из моей жизни выпали целый день и две ночи!

— Это был шок для вас, — предположил Уимзи.

— Шок? Да, наверное. Я был до смерти напуган. Девушка, которая принесла мой заказ, наверняка подумала, что я чокнутый, потому что я спросил у нее, какой сегодня день недели, и она ответила: «Пятница». Значит, никакой ошибки не было.

Не буду долго задерживаться на этом, потому что это далеко еще не конец. Я кое-как впихнул в себя еду и отпра-

¹ Небольшое искусственное озеро в Гайд-парке. Получило свое название из-за изогнутой, змееобразной формы (от *англ.* Serpentine — змея).

² Мраморная арка — триумфальная арка, стоящая возле Ораторского уголка в Гайд-парке на западном конце Оксфорд-стрит.

³ Основанная в 1887 году компания J. Lyons & Co — доминировавшая на рынке британская сеть ресторанов, производитель продуктов питания и владелец гостиничного конгломерата.

вился к врачу. Он спросил меня, что последнее я помню перед провалом памяти. Я сказал про кино, а он спросил, был ли я на улице во время налета. И тут я вспомнил про бомбу, но больше — ничего. Он сказал, что это нервный срыв, в результате которого я частично утратил память, что такое часто случается и я не должен тревожиться. А потом он захотел меня осмотреть, чтобы проверить, нет ли у меня травм, стал прослушивать через стетоскоп и вдруг говорит: «Вот так-так, мой дорогой, сердце-то у вас справа!» А я ему: «Неужели? Первый раз об этом слышу».

Ну, осмотрел он меня очень дотошно, сказал то, что я уже вам говорил: что у меня внутри все наоборот, — и стал расспрашивать про мою семью. Я сказал ему, что я — единственный ребенок, что мой отец умер — попал под грузовик, когда мне было всего десять лет, — что я живу с матерью в Брикстоне и все такое. Он признался, что я необычный случай, но заверил, что волноваться не о чем. Несмотря на то что все органы во мне расположены не с той стороны, здоровье у меня крепкое. Он велел мне идти домой и день-другой просто отдохнуть.

Я так и сделал, почувствовал себя вполне хорошо и думал, что все наконец закончилось, хотя свой отпуск я просрочил, и пришлось по возвращении объясняться с командиром полка учебной подготовки. Несколько месяцев спустя учеба закончилась, и перед тем как нас должны были отправить на фронт, я поехал попрощаться с матерью. И вот сижу я, пью кофе в Зеркальном зале отеля «Корнер-Хаус» на Стрэнде, вы наверняка знаете его, он расположен внизу.

Уимзи кивнул.

— Вокруг огромные зеркала, и в ближайшем я замечаю молодую даму, которая улыбается мне так, будто мы знакомы. Ну, я ничего не понимаю, так как никогда раньше ее не видел, поэтому не обращаю внимания, решив, что она обозналась. И хоть я был еще очень молод, уже пони-

мал, какого сорта эта женщина, а мать воспитала меня в строгости. Отвернувшись, я снова принялся за свой кофе, но вдруг где-то совсем рядом услышал голос:

«Привет, Рыжий. Не хочешь поздороваться?»

Я поднял голову. Это была та самая дама. Довольно хорошенькая, если бы не была так размалевана.

«Боюсь, — сказал я холодно, — вы ошиблись, мисс».

«Ах, Рыжий, ах, мистер Дакуорти, и это после ночи прошлой среды!» — у нее была насмешливая манера разговаривать.

Я не удивился, что она называет меня Рыжим — как еще девушкам называть парня с такими волосами, как у меня? — но, когда она с легкостью назвала мою фамилию, тут уж я разволновался не на шутку.

«Вы, кажется, думаете, что мы знакомы, мисс?» — сказал я.

«А вы так не думаете?» — ответила она.

Эх, не надо было мне дальше углубляться. Судя по тому, что она сказала, мы познакомились как-то вечером, и она пригласила меня к себе домой. А что напугало меня больше всего, так это то, что, по ее словам, случилось это в ночь большого воздушного налета.

«Это *точно* были вы, — сказала она, несколько озадаченно вглядываясь в меня. — Ну разумеется, вы. Как только я увидела вас в этом зеркале, моментально узнала».

Конечно, я не мог сказать, что этого не было. Я знал о том, где был и что делал, не больше новорожденного младенца. Но это меня страшно расстроило, потому что в то время я был невинным юношей, еще не встречавшимся с девушками, и считал, что если я совершил что-то подобное, то должен об этом знать. К тому же, сэр, мне казалось, что я не получил сполна за свои деньги.

Под каким-то предлогом я отделался от дамы, не переставая думать о том, что еще я мог наворотить. Она утверждала, будто я ушел от нее утром двадцать девятого, после

чего она обо мне больше ничего не знала, поэтому мне оставалось только гадать, не натворил ли я еще каких-нибудь глупостей.

— Очень может быть, — сказал Уимзи и нажал на кнопку звонка. Когда явился официант, он заказал напитки на двоих и приготовился выслушать окончание рассказа о приключениях мистера Дакуорти.

— Впрочем, я не придавал этому особого значения, — продолжил его собеседник. — Мы уехали на фронт, за границу, и там я первый раз в жизни увидел труп, увернулся от первого в жизни осколка снаряда, вырыл свою долю окопов, так что у меня и времени-то не было на так называемую интроспекцию.

Следующая странная вещь случилась со мной в Ипре, где я служил в боевом дивизионе связи. Там, под Кодри, я получил ранение, когда мы наступали после битвы при Камбре¹. Подорвавшись на mine, я пролежал без сознания, наполовину погребенный, наверное, около суток. Придя в себя, я, с отвратительной дыркой в плече, побрел незнамо куда и не представляя, по какую сторону фронта нахожусь. Кто-то перевязал мне рану, но этого я не помнил. Бродил я долго, не зная где, пока случайно не наткнулся на санбат. Там мне обработали рану и отправили в главный госпиталь. У меня был сильный жар, и следующее, что я помню, — это как я уже лежу на больничной койке, а рядом стоит медсестра. На соседней койке кто-то спал. Я заговорил с тем раненым, который лежал за ним, он мне рассказал, где я нахожусь, и тут вдруг тот, с соседней койки, проснулся и говорит: «Господи, да это же та самая паршивая рыжая свинья! Что ты сделал с моими вещами?»

¹ Битва при Камбре (20 ноября — 7 декабря 1917 г.) — крупномасштабное наступление британских войск против германской армии во время Первой мировой войны на Западном фронте у французского города Камбре.

Меня все равно что обухом по голове огрели. Клянусь, я никогда в глаза не видел этого человека. Но он продолжал нападать на меня и поднял такой шум, что прибежала медсестра посмотреть, что происходит. Все раненные сидели в своих кроватях и прислушивались — еще бы! Такое развлечение.

В результате вот что я понял со слов этого малого: якобы он сидел в одной воронке с парнем, за которого меня принимал. Они с этим парнем немного поговорили, а потом, когда он совсем ослабел и стал беспомощным, тот тип забрал у него деньги, часы, револьвер, бог знает что еще и смылся с награбленным. Мерзкая, грязная история, и я не мог винить своего соседа за то, что он устроил такой скандал, если, конечно, он говорил правду. Я отвечал и стоял на том, что то был не я, а какой-то другой человек, которого звали так же. Но он настаивал, что узнал меня, что мы с ним провели в воронке целый день и он запомнил каждую черточку на моем лице, поэтому ошибиться не мог. Тем не менее этот скандалист сказал, что служил в такой-то дивизии, а я, предъявив документы, доказал, что служу совсем в другой. В конце концов парень извинился и признал, что, вероятно, ошибся. Так или иначе, через несколько дней он умер, и все сошлись на том, что он был немного не в себе. Но дело в том, что наши дивизии воевали бок о бок в том бою и, вполне возможно, смешивались. Впоследствии я даже пробовал искать своего двойника в их дивизии, но меня отослали домой на поправку. Однако прежде чем я окончательно восстановился, было подписано перемирие, и я выкинул все из головы.

После войны я вернулся на старую работу, все начинало утрясаться. Когда мне исполнился двадцать один год, я обручился с хорошей скромной девушкой и считал, что все у меня прекрасно. А потом в один день все пошло прахом. К тому времени матушка моя умерла, и я жил один

в съемной комнате. Как-то раз я получил письмо от моей суженой, она писала, что видела меня в воскресенье в Саут-Энде, что с нее довольно и между нами все кончено.

По несчастливому совпадению, из-за внезапно свалившегося на меня гриппа я не смог повидаться с ней в те выходные. Очень горько, скажу я вам, валяться больным в чужом доме и не иметь никого, кто мог бы за тобой приглядеть. Можно помереть в одиночестве, никто и не узнает. Пустая комната в съемной квартире, никакого ухода и ни души рядом, а было мне очень худо. Но невеста моя заявила: раз, мол, она своими глазами видела меня с другой, она не желает слышать никаких оправданий. Разумеется, я поинтересовался, что *она* делала без меня в Саут-Энде, и это было последней каплей. Она вернула мне кольцо, и, как говорится, тема была исчерпана.

Но меня тревожила одна мысль: откуда мне в моем полубредовом состоянии знать, не был ли я на самом деле в Саут-Энде? Я считал, что лежу больно́й в своей комнате, но видел все как в тумане. А зная, что я вытворял прежде... Четких воспоминаний у меня не было ни о том ни о другом — только лихорадочные сны. Мне смутно припоминалось, будто я часами где-то бродил. Я думал, что это горячка, но ведь я мог ходить во сне, такое же бывает. У меня не было реальных доказательств ни того ни другого. Мне было очень тяжело вот так вмиг потерять невесту, но я бы справился с этим, если бы не боялся сам себя и того, что у меня голова не в порядке.

Можете считать это глупостью, мол, просто меня иногда путали с моими однофамильцами, которые случайно оказывались еще и похожими на меня. Но сейчас я кое-что вам расскажу.

Приблизительно в то же время мне начали сниться ужасные сны. Один и тот же образ преследовал меня в них: тот самый, который пугал меня в детстве. Моя мама, хоть и была женщиной строгой, любила время от времени хо-

дить в кино. Разумеется, в те времена фильмы не были такими, как теперь, сейчас те старые картины наверняка показались бы нам весьма топорными, но тогда они производили на нас большое впечатление. Когда мне было лет семь-восемь, мама взяла меня с собой на фильм, название которого я помню даже сейчас — «Студент из Праги». Сюжет я забыл, но это была костюмированная драма о студенте университета, который продал душу дьяволу, и однажды его отражение само собой вышло из зеркала и стало совершать ужасные преступления, чтобы все думали, что их совершает студент. Кажется, суть была в этом, хотя подробности я забыл — столько лет прошло. Но чего я никогда не забуду, так это ужаса, который я испытал, когда фигура вышла из зеркала. Это было так страшно, что я начал кричать и биться в истерику, в конце концов маме пришлось вывести меня из зала. Этот кошмар годами преследовал меня во сне. Мне снилось, что я смотрюсь в зеркало, такое же, как было в том фильме, потом подхожу ближе к нему, вытянув левую руку, и вижу, как я сам иду себе навстречу, вытянув правую руку. И как раз в тот момент, когда мы должны встретиться, мое отражение — это был самый жуткий момент — поворачивается ко мне спиной и уходит обратно в глубину зеркала, ухмыляясь через плечо. Тут-то меня вдруг и осеняет: тот, в зеркале — настоящий, а я — только его отражение. Я бросаюсь за ним в зеркало, но все вокруг меня становится серым, затягивается туманом, и, взмокший от ужаса, я просыпаюсь.

— Чрезвычайно неприятно, — сказал Уимзи. — Эта легенда о доппельгангере¹ — одна из старейших и наибо-

¹ Доппельгангер — в литературе эпохи романтизма это двойник человека, воплощающий темную сторону его личности. Его появление зачастую предвещает смерть героя. Эту тему разрабатывали в своем творчестве многие выдающиеся писатели: Гофман, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Эдгар По, Диккенс и другие.